

FR. OP

Cabinet Portrait

Корней Чуковский

Корней

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
В ПЯТНАДЦАТИ ТОМАХ

...и семейные жур-
Верхар... цитируют фельетонисты.
Чюмина переводит Метерлинка и
фонг. - Гофманстала. Артист Алексан-
дриисл П. И. Ходотов мелодраматизирует
Брюсова и Бальмонта; а К. Бравичь вы-
ступает в «Балаганчике». Декадентство
также доступно и вить, мило в вить, по
тво и вить. — (и потому, зритель апла-
удит уж и вить, отпо-

не- палачу рожи, — секунду до эшафота вь свою пенерку,
Городицкий восторгается палачем и поетъ
ему славословия, все это, вь конце кон-
цов, и эти безумная и мудрая слова, и
эти кошмарные и строгие образы — все это
одно.

Чуковский

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ ТОМ ШЕСТОЙ

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА
(1901–1907)

ОТ ЧЕХОВА ДО НАШИХ ДНЕЙ

ЛЕОНИД АНДРЕЕВ
БОЛЬШОЙ И МАЛЕНЬКИЙ

НЕСОБРАННЫЕ СТАТЬИ
(1901–1907)

УДК 882
ББК 84 (2Рос=Рус) 6
Ч-88

Файл книги для электронного издания подготовлен
в ООО «Агентство ФТМ, Лтд.» по оригинал-макету издания:
Чуковский К. И. Собрание сочинений: В 15 т. Т. 6. —
М.: ТЕРРА—Книжный клуб, 2002.

Составление и подготовка текста
Е.Ивановой и Е. Чуковской
при участии
Ж. Хавкиной и О. Степановой

Оформление художника
С. Любаева

На обложке:
фотография К. Чуковского, 1914

Чуковский К. И.

Ч-88 Собрание сочинений: В 15 т. Т. 6: Литературная критика (1901–1907): От Чехова до наших дней; Леонид Андреев большой и маленький; Несобранные статьи (1901–1907) / Предисл. и коммент. Е. Ивановой. — 2-е изд., электронное, испр. — М.: Агентство ФТМ, Лтд, 2012. — 624 с.

Свой путь в литературе Корней Чуковский начинал как критик. В шестой том Собрания сочинений вошли его первые дореволюционные критические сборники «От Чехова до наших дней» и «Леонид Андреев большой и маленький», а также многочисленные «несобранные статьи», затерянные в малоизвестных газетах и журналах. Большая часть этих статей после революции не переиздавалась.

УДК 882
ББК 84 (2Рос=Рус) 6

© К. Чуковский, наследники, 2012
© Е. Чуковская, Е. Иванова, составление,
подготовка текста, 2012
© Агентство ФТМ, Лтд., 2012

Немногие писатели могут похвастаться таким литературным долголетием, как Чуковский: с момента появления его первого фельетона в газете «Одесские новости» в 1901 году и до 1969 года, когда незадолго до смерти завершалось издание первого в его жизни собрания сочинений в шести томах, прошло почти семьдесят лет, отданных подвижническому и не прекращавшемуся ни на один день литературному труду.

Однако творческая судьба Чуковского была удивительной не только по своей продолжительности, но и по плодотворности. Пройдя через все революции и войны, выпавшие на долю России в XX веке, Чуковский пережил несколько литературных эпох, и в каждой из них его талант раскрывал новые грани. В итоге он успел попробовать себя едва ли не во всех литературных жанрах: был критиком, детским поэтом, переводчиком, прозаиком, литературоведом, мемуаристом, пламенным борцом за культуру речи и ученым-лингвистом, заложившим в России основы изучения особенностей детского языка и мышления, редактором нескольких литературных журналов. И при таком разнообразии его литературная судьба никогда не выглядела разбросанной, потому что она имела единый центр — пламенную и почти религиозную любовь к литературе и искусству.

В рамках меняющихся литературных эпох Чуковский неизменно занимал обособленное место, что ярко отразилось в мемуарах о нем, изданных в 1977 году в книге «Воспоминания о Корнее Чуковском». Поклонники и почитатели, все те, кто пользовались его поддержкой на литературном пути или просто удастиивались дружбы, наперебой и с горячей признательностью вспоминали о нем, пересказывали шутки, меткие литературные словечки и суждения, повторяли его рассказы о пережитом и т. п. Позднее были опубликованы пристрастные воспоминания Евгения Шварца «Белый волк», где Чуковский предстал в образе одержимого литературой злодея, под маской показного добродушного скрывающего лицо чуть ли не человеконенавистника. Одна-

ко найти действительный облик Чуковского в этих воспоминаниях довольно трудно, потому что как доброжелатели, так и недоброжелатели едва ли до конца понимали того, о ком писали. Он намного пережил всех своих современников, и воспоминания о нем писали люди, сформированные другой эпохой.

Он был моложе Блока меньше чем на два года, а пережил его почти на пятьдесят лет! Но именно поколение Блока составляло ту среду, в которой начинался его литературный путь. Еще до революции Чуковский успел стать известным критиком, он посещал «башню» Вячеслава Иванова и Религиозно-философское общество, в круг его постоянного общения в те годы входили соседи по Куоккале, где он с семьей жил до революции — И. Е. Репин и Леонид Андреев; альманах «Чукоккала», название которого соединило название дачного поселка с его литературным именем, содержит автографы почти всех известных деятелей дореволюционной культуры.

В советскую литературу Чуковский вошел уже как один «из бывших», один из немногих, кто сумел преодолеть ценой неимоверных усилий все трудности сживания с новым режимом. Может быть, поэтому Чуковский так дорожил той частью своей читательской аудитории, вкусы и пристрастия которой наименее зависели от времени и политической конъюнктуры — детворой. Всю свою жизнь он не только писал для детей, но с готовностью читал стихи на литературных утрениках, посещал детские праздники, навещал своих читателей в больницах и санаториях. Дети отвечали ему взаимностью и когда его произведения находились под запретом, и когда они печатались огромными тиражами.

С взрослыми, и особенно с начальством, отношения складывались сложнее. В компанию советских писателей он так никогда и не вошел, никогда не занимал должностей в Союзе писателей, не принимал участия в так называемой общественной работе — борьбе за мир, воспитании патриотизма и т. п. Советская эпоха чувствовала чужеродность Чуковского и стойко преследовала его все 20-е, 30-е, 40-е и 50-е годы. И только под конец жизни, так и не сумев перевоспитать в нужном духе, власть наконец смирилась с фактом его существования и даже увенчала его в 1962 году Ленинской премией за книгу «Мастерство Некрасова».

К пониманию личности Чуковского мало приближает и единственный опыт его автобиографической прозы — повесть о детстве «Серебряный герб» (1961), где в духе того времени описано, как трудно приходилось тем, кого называли тогда «кухаркиными детьми». Одним из них был и автор, пробивавший себе путь к гимназическому образованию при «проклятом самодержавии». Но едва ли все в судьбе сводилось только к самодержавию — были

в ней и другие, куда более глубокие подводные рифы. Настоящий ключ к судьбе и личности Чуковского дает только его дневник, впервые изданный в 1991–1994 годах, записи в котором охватывают весь период его литературной деятельности с 1901 по 1969 год. Из этих записей мы и получаем представление об этой удивительной судьбе.

Корней Иванович Чуковский — литературный псевдоним Николая Васильевича Корнейчукова, родившегося в Петербурге в 1882 году. Его рождение, как и рождение его единственной сестры Марии, окружено некоторой тайной — Чуковский никогда и нигде не писал о том, кто был его отец, бегло упомянув в биографической справке, что его родители разошлись, когда ему было три года.

По документам он был незаконнорожденный, сын крестьянки полтавской губернии Екатерины Осиповны Корнейчуковой. Мучения, которые причиняли ему эти документы, трудно даже вообразить. «...Когда дети говорили о своих отцах, дедах, бабках, я только краснел, мялся, лгал, путал, — признавался он в дневнике 3 февраля 1925 года. — У меня ведь никогда не было такой роскоши, как отец, или хотя бы дед. Эта тогдашняя ложь, эта путаница — и есть источник всех моих фальшей и лжей дальнейшего периода. Теперь, когда мне попадается любое мое письмо к кому бы то ни было — я вижу: это письмо незаконнорожденного, «байструка». Все мои письма (за исключением некоторых писем к жене), все письма ко всем — фальшивы, фальцетны, неискренни — именно от этого. Раздребезжилась моя «честность с собою» еще в молодости. Особенно мучительно было мне в 16–17 лет, когда молодых людей начинают вместо простого имени называть именем-отчеством»¹. Вероятно, в этих чувствах надо искать причину того, что настоящим именем, которым величали его близкие и дальние, стал его литературный псевдоним, перешедший от него по наследству и к детям.

Мы находим единственное упоминание о встрече Чуковского с отцом в воспоминаниях Лидии Чуковской «Памяти детства»; она, как известно, закончилась изгнанием деда вместе с игрушками и подарками из Куоккальского дома, куда он приехал с миссией примирения².

Мать одна воспитывала его и сестру, зарабатывая на жизнь стиркой белья. Чуковский очень ее любил и писал о ней всегда с неизменной нежностью: «Воспитывала она нас демократиче-

¹ Чуковский К. Дневник. Наст. изд. Т. 12. С. 210.

² Чуковская Л. Памяти детства // Чуковская Л. Соч.: В 2 т. Т. 1. Повести. Воспоминания. М., 2000. С. 296–299.

ски — нуждою. Какой это был ритуал: когда она мыла посуду, вытирать полотенцем тарелки и вообще помогать маме»¹. Несмотря на героические усилия, мать так и не смогла дать своему сыну образование: из 5-го класса гимназии он был исключен, есть в неопубликованной части дневника записи о попытках сдать экзамены за гимназический курс экстерном, но остается неизвестным, чем они завершились: никаких документальных свидетельств об образовании не сохранилось.

Достоверно дневник позволяет понять, какая жажда знания, какое стремление к культуре были заложены в молодом Чуковском: занимаясь самообразованием, он сумел позднее войти как равный в семью петербургских литераторов и художников, печататься в престижных газетах и журналах, став влиятельным и известным литературным критиком. Неопубликованная часть дневника 1901 года переполнена конспектами, упоминаниями о книгах, которые надо прочесть, наставлениями самому себе. Тогда же он начал по самоучителю изучать английский язык. Василий Розанов, с которым Чуковского связывали сложные отношения, где интерес друг к другу соединялся с неприятием, однажды назвал его «деревянным человеком, который сам себя на верстаке сделал». Чуковский и вправду был одним из тех, кого англичане называют «self made man» — «сам себя сделавший человек». Однако в отличие от М. Горького, у которого рассказы «о том, как я учился писать» стали биографическим мифом, частью творчества, Чуковский себя в качестве самородка, а тем более босяка никогда не афишировал, повесть «Серебряный герб» (первоначальное название «Гимназия») была не более как данью времени.

Однако трудностей на его пути в литературу было ничуть не меньше, чем у Горького. Читатели его книги «Живой как жизнь» (1962), написанной во славу правильной русской речи, или ученые-лингвисты, вместе с которыми он принимал участие в спорах о русском языке в конце 50-х — начале 60-х годов, едва ли могли предположить, сколько сил потратил Чуковский в юности, чтобы овладеть грамотным литературным языком и научиться правильно говорить по-русски. В архиве Чуковского сохранились тетради, по которым он учился произносить слова, ставить ударение, изживал свой южнорусский одесский говор, чтобы ничем не выделяться в писательской среде Петербурга.

Ведь язык, на котором говорили в его семье с детства, был малороссийский, и с ним были связаны его первые литературные впечатления. В 1909 году он признавался: «...те хохлацкие стихи,

¹ Чуковский К. Дневник. Наст. изд. Т. 13. С. 378.

которые я знал с детства и которые я теперь совсем, совсем забыл, заслонил Блоками и Брюсовыми, теперь выплывают в памяти, вспоминаются... И еще страннее: в характере моем выступило — в виде настроения, оттенка — какое-то хохлацкое наивничество, простодушничанье и т. д. Вот: не только душа создает язык, но и язык (отчасти) создает душу»¹.

Вступлению Чуковского на литературное поприще способствовала удача — на его литературные опыты обратил внимание молодой одесский журналист, печатавшийся в «Одесских новостях» под псевдонимом Altalena (по-итальянски — качели), — Владимир Евгеньевич Жаботинский-Зеев (1880—1940). Позднее он прославил себя как теоретик и лидер сионизма, но в начале 1900-х годов, к которым относится его знакомство с Чуковским, он писал в «Одесских новостях» чуть не ежедневно по фельетону, откликаясь в них на самые разные события; одна из рубрик, где он постоянно печатался, так и называлась «Вскользь». Жаботинский не только первым поверил в талант молодого Чуковского, но и стал его «крестным отцом» на журналистском поприще. «Он втянул в газетную работу и меня, — вспоминал Чуковский, — <...> Он казался мне лучезарным, жизнерадостным, я гордился его дружбой и был уверен, что перед ним широкая литературная дорога»².

Записи в дневнике Чуковского, частично пропущенные при первой публикации, рассказывают об обстоятельствах его дебюта на страницах газеты «Одесские новости». Они дополняют опубликованную запись от 27 ноября 1901 года: «В «Новостях» напечатан мой большой фельетон «К вечно-юному вопросу». Подпись: Корней Чуковский. Редакция в примечании назвала меня «молодым журналистом, мнение которого парадоксально, но очень интересно». Радости не испытываю ни малейшей. Душа опустела. Ни строчки выжать не могу»³.

В записи от 28 ноября (она впервые будет опубликована в настоящем издании) содержатся некоторые подробности этой публикации: «Угощал Розу, Машу и Альталену чаем в кондитерской Никулина. Altalena устроил мне дело с фельетоном... В конце сентября я принес ему рукопись — без начала и конца, спросил, годится ли. Он на другой день дал утвердительный ответ. Я доставил начало и конец — он сдал в редакцию, и там, провалявшись около месяца, статья появилась в свет»⁴. Возможно, и английский язык он

¹ Чуковский К. Дневник. Наст. изд. Т. 12. С. 150.

² Письмо К. И. Чуковского к Р. П. Марголиной начала мая 1965 года // Рахель Павловна Марголина. Переписка с Чуковским. Иерусалим, 1978. С. 11 (Т. 15 наст. изд.).

³ Чуковский К. Дневник. Наст. изд. Т. 12. С. 44.

⁴ Там же.

начал изучать тогда не без влияния Жаботинского, который, как вспоминал Чуковский в письме к Р. Марголиной, «отлично знал английский язык и блистательно перевел «Ворона» Эдгара По»¹.

Altalena-Жаботинский помогал публикации одной из следующих статей Чуковского, посвященной публицисту М. О. Меньшикову, о чем идет речь еще в одной впервые публикуемой записи дневника от 11 декабря: «Читал сегодня Жаботинскому свою статью. Понравилась. Отнес в редакцию — и вот я на бездельи. А мне ни за что бездельничать не хочется — опять время упущишь. Нужно, чтобы после второй обязательно шла третья — обязательно. 5 статей дам, — а там и подумаю, как и что. Милый человек этот Altalena! Прихожу сегодня к нему — он спит, а уже двенадцатый час. Какое двенадцатый — первый! Работал вчера долго — вот и заспался. Я подождал — он оделся, вышел, даю статью свою с замираньем — прочел. — Ну, говорит, неужели вы сомневаетесь! — валяйте скорей к Хейфецу. Быть может, завтра пойдет».

В редакции Чуковского ждал достаточно равнодушный прием: «Хейфец был занят, статьи моей не прочел, и она сегодня не пошла. Я встретил Хейфеца на улице. Раскланялся — и, памятуя совет Альталены, — даже не заикнулся о статье. Так — лучше»². На страницах газеты статья о Меньшикове появилась спустя несколько месяцев, постепенно Чуковский начинает регулярно печататься в газете.

Молодой Николай Корнейчуков, с момента вступления на журналистское поприще ставший навсегда Корнеем Чуковским, полностью оправдал ожидания. «Скоро одесская газета, — вспоминал Владимир Швейцер, — держалась уже на «трех китах»: корреспондент из Рима, писавший под псевдонимом «Altalena», бытописатель одесского «дна» Кармен, отец известного кинорежиссера Романа Кармена, и молодой литературный критик Корней Чуковский»³. Быстрому превращению юноши без определенных занятий, не окончившего курс гимназии и перебивавшегося частными уроками, во влиятельного литературного критика способствовала не только дружественная поддержка, но и исключительная работоспособность.

¹ Письмо К. И. Чуковского к Р. П. Марголиной начала мая 1965 года. // Рахель Павловна Марголина. Переписка с Чуковским. С. 11 (Т. 15).

² Чуковский К. Дневник. Наст. изд. Т. 11. С. 47.. И. Хейфец был редактором газеты «Одесские новости». Его воспоминания о сотрудничестве Жаботинского в газете позднее были опубликованы в эмиграции в Париже (Рассвет. 1930. № 42).

³ Владимир Швейцер. Юноша в гимназической куртке // Воспоминания о Корнее Чуковском. М., 1983. С. 10. При публикации этих воспоминаний составители были лишены возможности раскрыть псевдоним Жаботинского. О Лазаре Кармене Чуковский упоминал в мемуарном очерке «1905, июнь» (см. наст. издание, Т. 4. С. 527, 538 и 539).

Возможность регулярно печататься на страницах большой и популярной газеты следует отнести к числу больших достижений, тем более, что в 1903, вскоре после женитьбы, Чуковский уезжает в Лондон корреспондентом «Одесских новостей». Полуголодное пребывание в Англии в течение полутора лет стало длинными «университетами» Чуковского. В англичанах его покорила дух созидательного труда, эту страну и ее культуру он полюбил сразу и навсегда. Находясь в Лондоне, он пользовался каждым случаем пополнить свое образование, посещал благотворительные лекции по литературе для рабочих, целые дни проводил в крупнейшей лондонской библиотеке — Британском музее, и получил основательное знакомство с английской литературой. Корреспонденции из Лондона регулярно появлялись на страницах «Одесских новостей».

Хаотичное, но интенсивное погружение в культурную жизнь Англии сыграло существенную роль в самоопределении молодого журналиста, поисках своего жанра и своих тем. Долондонский и послелондонский периоды Чуковского-критика заметно отличались. Он усвоил у англичан небрежный эссеистический стиль и умение поразить читателя неожиданным парадоксом. Прежде чем стать русским популяризатором творчества Оскара Уайльда, Чуковский многому у него научился, в чем читатель настоящего тома имеет возможность убедиться.

Первая статья Чуковского «К вечно-юному вопросу» была накукообразна и обставлена многочисленными ссылками. Речь в ней шла о теории утилитарного искусства, суть которого заключена в крылатой формуле, рожденной эпохой 60-х годов XIX века — «сапоги выше Шекспира». Против этой теории, провозглашавшей главной задачей искусства общественную пользу, были направлены выступления символистов в середине 90-х годов («нам дорого одно лишь бесполезное...» — так приблизительно формулировали они свое представление о задачах искусства). Молодой Чуковский видел собственное призвание в философии и в своей дебютной статье пытался заново сформулировать задачи искусства. Вопрос о его цели и назначении, доказывал он, упирается в общее представление о цели и смысле человеческой деятельности.

Это было типично для начинающих литераторов той эпохи — попытки создать теорию, обнимающую все стороны человеческой жизни. Напомним, что одним десятилетием раньше молодой Василий Розанов, издавая свою книгу «О понимании» и обдумывая ее продолжение — теорию потенциальности, мечтал, что созданная им философская система обнимет собой «ангелов и торговлю». А утраченный философский трактат малоизвестного

поэта-символиста Александра Добролюбова носил название «Опровержение Шопенгауэра и всех философов». Нечто подобное вынашивал и молодой Чуковский, только называлось это — теория самоцельности, отдельные ее идеи читатель найдет в первых фельетонах, взятых нами со страниц «Одесских новостей». Изложение идей самоцельности мы находим в статье под рубрикой «Письма о современности», и в некоторых других статьях, включенных в настоящий том. В дальнейшем Чуковский писал в основном о книгах, выставках, спектаклях; как философ он в первых своих статьях, можно сказать, умер.

Однако мысль о создании философского трактата долго не оставляла его. Уже будучи известным петербургским критиком, он признавался 21 октября 1907 года в дневнике: «Думал о своей книге про самоцель. Напишу ли я ее — эту единственную книгу моей жизни. Я задумал ее в 17 лет, и мне казалось, что чуть я ее напишу — и Дарвин, и Маркс, и Шопенгауэр, — все будут опровергнуты»¹.

Еще раз о своем философском трактате как о главной нереализованной мечте он вспоминал в письме к сыну Николаю в 1924 году: «Я уверен, что если бы я так рано не попал в плен копеек и тряпок, из меня, конечно, вышел бы очень хороший писатель: я много занимался философией, жадно учился, а стал фельетонистом, по пятячку за строчку, очутился в обществе Карменов и Ольдоров. <...> Предо мной все время стоит моя судьба: с величайшим трудом, самоучка, из нищенской семьи вырвался я в Лондон — где столько книг, вещей, музеев, людей и все проморгал, ничего не заметил, так как со мною была любимая женщина. Горе твое, если основой твоей карьеры — будут переводы с английского. Это еще хуже моих фельетонов, на которые я убил мои лучшие годы»². Философский трактат долгие годы оставался для него неисполненным жизненным предназначением.

Трудно судить, насколько это соответствовало действительности, литературный успех ждал его на другом пути. Из Лондона в 1904 году он направил свою первую статью в московский символистский журнал «Весы», где она и была напечатана, как и несколько последующих. Это было еще одной удачей для сотрудника провинциальной газеты — опубликоваться в журнале, во главе которого стоял такой требовательный к качеству статей редактор, как Валерий Брюсов. После возвращения из Лондона в 1904 году, Чуковский перебирается из Одессы в Петербург и пытается войти в

¹ Чуковский К. Дневник. Наст. изд. Т. 11. С. 141.

² Жизнь и творчество Корнея Чуковского. М.: Детская литература, 1978. С. 187–188.

столичную журналистику. Первым его опытом было издание сатирического журнала «Сигнал»¹; резкие антиправительственные публикации привели к закрытию журнала и даже к возбуждению против Чуковского уголовного дела, спастись от которого удалось благодаря заступничеству петербургских литераторов. С сатирой, а заодно и с политикой, Чуковский расстался тогда раз и навсегда. Зато как «претерпевшего от властей» его стали понемногу печатать поначалу в маргинальных петербургских изданиях, вроде еженедельника «Театральная Россия», а потом — в газете «Свободные мысли», где он окончательно утвердился в качестве литературного критика.

Но известность, приобретенная в провинциальной газете, долго тормозила «столичную» карьеру. Спустя десять лет после переезда Чуковского в столицу Леонид Андреев в одном из писем попрекал его «развязностью одесских репортеров»². Сходные упреки находим мы и в письме критика и публициста Дмитрия Философова 1912 года: «Я думал, что Чуковский уже сбросил с себя “провинциальные замашки”»³. Еще более резкой покажется характеристика Александра Блока, после одного из фельетонов Чуковского свое мнение о нем выразившего в записной книжке так: «Легкомысленное порхание, настоящее хамство. Привязывается к модным темам, сам ничего не понимая. Лезет своими одесскими глупыми лапами в нашу умную петербургскую боль. Ничто ему не дорого, он только криво констатирует. Всего лиричнее говорит о себе подобных (О. Дымов). Так быстро кончают *безграмотные* люди, хотя бы с талантом, хотя бы у них было что-то «свое»⁴. В конце жизни Блоку суждено было близко сойтись с Чуковским и существенно изменить свое мнение о нем, но все же, думается, прочитать про «одесские лапы» и «петербургскую боль» спустя почти полвека после смерти Блока Чуковскому было едва ли приятно⁵.

Во всех этих отзывах звучит не только недовольство теми или иными статьями и оценками Чуковского, но и предубеждение

¹ Историю издания этого журнала Чуковский изложил позднее в воспоминаниях: «Сигнал». См. наст. издание. Т. 4.

² Архив К. Чуковского. — Отдел рукописей РГБ. Ф. 620. Карт. 40. Ед. хр. 67.

³ Там же. Карт. 72. Ед. хр. 16. Л. 37.

⁴ Блок А. Записные книжки. М., 1968. С. 121. Запись 21 декабря 1908 года. Более подробно свое мнение о Чуковском-критике Блок изложил в статье «О современной критике» (1907).

⁵ Может быть, с некоторой долей преувеличения, Чуковский писал в начале 60-х годов литературоведу Д. Е. Максиму: «Что же касается нападок Блока на меня, то они были вполне закономерны: часто я писал откровенно, вульгарно, беззастенчиво. И Блок, естественно, возмущался моими писаниями» (цит. по публикации: Е. Ц. Чуковской. Литературное наследство. Т. 92. Кн. 2. С. 232).

против «чужака», вторгающегося в среду столичных литераторов. Даже когда он был одним из ведущих критиков солидной кадетской газеты «Речь», он многими ощущался как пришелец из другого мира. Из воспоминаний Владимира Набокова, сына одного из ведущих публицистов этой газеты В. Д. Набокова, мы знаем, как высмеивался в их семье плохой английский язык, а также журналистские замашки Чуковского, с которым Набоков-старший вместе ездил к союзникам в Англию в 1916 году¹.

Так что роль «Одесских новостей» в его судьбе была подобна палке о двух концах: создав условия для яркого дебюта, она существенно «подмочила» его репутацию в дальнейшем. Чуковский не переставал быть белой вороной, хотя ему и удалось, пусть в несколько более скромных масштабах, осуществить тот героический прорыв, который ставил себе в заслугу А. П. Чехов в одном из писем к А. С. Суворину: «...Газетные беллетристы второго и третьего сорта должны воздвигнуть мне памятник, или, по крайней мере, поднести серебряный портсигар; я проложил для них дорогу в толстые журналы, к лаврам и сердцам порядочных людей»².

Но провинциальность в чем-то и помогала выделиться в среде критиков, слишком хорошо знавших правила, по которым следовало играть. Может быть, именно благодаря неискоренимой провинциальной наивности Чуковский любил и не боялся «вторгаться», «въезжать» в самые острые вопросы, не признавая условностей, из которых сотканы литературные отношения столицы, построенные на табу и умении обходить подводные рифы. Статьи Чуковского часто задевали за живое, и вокруг них возникали дискуссии, появлялись письма в редакцию, дело доходило до третейского суда; словом, они почти всегда имели отклик, обратную связь.

В итоге и переезд в столицу окончился ее завоеванием. Чуковский прочно обосновался на страницах газеты «Речь», где откликался на все сколько-нибудь важные литературные события. Можно сказать, что здесь он окончательно утвердился как критик. Но и эта достигнутая в конце 1900-х годов известность ничем не напоминала почивание на лаврах.

Постоянным источником беспокойства стало неблагодарное амплуа, избранное им на поприще критики: Чуковский был выда-

¹ Набоков В. Другие берега. Нью-Йорк, 1954. С. 218. Кстати, эти воспоминания Чуковскому довелось прочитать и даже указать на несправедливость насмешек — но только в дневнике (запись 13 января 1961 года), о публичных возражениях Набокову не могло быть и речи.

² Чехов А. П. Полн. собр. соч. Письма. Т. 3. М., 1976. С. 23.

ющимся мастером разгромного фельетона, отрицательным рецензентом по призванию, и все его лучшие статьи всегда являлись «вселенской смазью», совершаемой к тому же с самым невинным и добродушным видом.

Чуковский редко и неохотно писал хвалебные статьи, и касались они, как правило, писателей-классиков — А. П. Чехова, Н. А. Некрасова, Т. Г. Шевченко. О современниках он писал совсем в другом стиле, выбирая себе героев из числа минутных любимцев читающей публики, о которых «все говорят», незаслуженно вознесенных на вершины успеха. Поэтому его критические выступления часто производили впечатление разорвавшейся бомбы. Биограф Чуковского Мирон Петровский видит в этом влияние критика Д. Писарева¹. Это верно, хотя по своим эстетическим вкусам, любви к литературе и живописи Чуковский являл прямую противоположность Писареву. Роднило его с критиком неизменно скептическое отношение ко всему, что составляет общепризнанную точку зрения. Эпиграфом к своей литературной деятельности Чуковский вполне мог бы поставить цитату из статьи Д. И. Писарева «Схоластика XIX века»: «...Позвольте людям, не достигшим крайних пределов своего развития, т. е. еще не остановившимся, <...> встряхивать своим самородным скептицизмом те залежавшиеся вещи, ту обветшалую рухлядь, которые вы называете общими авторитетами... Что можно разбить, то и нужно разбивать; что выдержит удар, то годится; что разлетится вдребезги, то хлам; во всяком случае, бей налево и направо, от этого вреда не будет и не может быть»².

Упреки в нигилизме неоднократно раздавались в адрес Чуковского. «Он в светлые минуты видит свой нигилизм, понимает его последствия, он горько тоскует о «точке зрения»³, — писала Зинаида Гиппиус. Справедливо это было только в том отношении, что в статьях Чуковского всегда яснее выступало то, против чего он борется, чем то, во имя чего ведется эта борьба.

Излюбленным жанром Чуковского-критика был литературный портрет, создание которого он приурочивал к моменту, когда творчество писателя оказывалось в центре всеобщего внимания, когда начинала складываться его репутация. К этому времени и поспевал Чуковский со своим портретом, метод создания которых очень точно обрисовал Валерий Брюсов: «Портреты» г. Чуковского, — в сущности, — карикатуры. Что делает ка-

¹ Петровский М. Книга о Корнее Чуковском. М., 1966. С. 19.

² Писарев Д. И. Собр. соч.: В 4-х т. Т. 1. М., 1955. С. 135.

³ Антон Крайний [З. Н. Гиппиус]. Литература и искусство // Русская мысль. 1910. № 2. С. 183.

рикастурист? Он берет *одну* черту в данном явлении или в данном лице и безмерно увеличивает ее»¹. Выделив в творческом облике писателя некую доминанту, Чуковский подбирал примеры и цитаты таким образом, чтобы выделенная им черта постепенно заслонила все остальные. Метод Чуковского-критика в чем-то был родственен гоголевским приемам характеристики помещиков в поэме «Мертвые души», когда пейзаж, даже детали комнатной обстановки «работали» на раскрытие одной черты. Поэтому многие упрекали Чуковского в односторонности оценок. Действительно, его характеристики в чем-то упрощали облик писателя, но в то же время они высвечивали суть. Это была основа критического метода; приемы, с помощью которых создавались писательские портреты, отличались большим разнообразием.

Одним из таких приемов, часто используемым Чуковским, было неожиданное отождествление. Например, свой фельетон о Леониде Андрееве он начинал с высказывания одного из его малосимпатичных героев — трактирщика Тюхи из пьесы «Савва»: «нет ни Бога, ни дьявола, ни людей, ни зверей, а есть только рожи, «все рожи, рожи, рожи». Прочитывая Тюху, Чуковский совершал неожиданный переход: «Если бы трактирщик Тюха не был бы пьяница, сонливый и глупый, а умел бы писать хорошие рассказы и пьесы, он бы непременно написал «Жизнь Человека», «Царь-Голод», «Так было», «Жизнь Василия Фивейского» и всякие другие вещи, которые вместо него так хорошо пишет его гениальный единомышленник Леонид Николаевич Андреев»². И обильно цитируя и пересказывая Леонида Андреева, Чуковский демонстрировал далее тождество философии писателя и его героя Тюхи. В итоге Леонид Андреев, к этому времени снискавший репутацию человека, поглощенного мировыми, вечными проблемами, превращался на наших глазах во «вдохновенного Тюху»³. И хотя критик сопровождал эту формулу лукавыми оговорками, хотя по всей статье рассыпаны замечания о том, что Тюха бездарен, а Андреев, несомненно, гениален, афоризм о вдохновенном Тюхе запоминался настолько прочно, само сравнение было настолько убийственно, что смягчить впечатление не могли никакие оговорки. Этот прием Чуковский постоянно пускал в ход и в статьях о Горьком, и нет ничего удивительного, что добродушные по форме характеристики часто получались разоб-

¹ *Аврелий* [Валерий Брюсов]. Рец. на кн.: Чуковский К. От Чехова до наших дней // Вesy. 1908. № 11. С. 59.

² Чуковский К. Леонид Андреев большой и маленький. СПб., 1908. С. 19.

³ Там же. С. 40. (См. также с. 186–187 наст. издания.)

лачительными и убийственными для сложившейся репутации писателя по существу.

Об этом прекрасно написал Брюсов, явно довольный тем, что и он сам попал под перо критика. «Карикатуры г. Чуковского — блистательны, — писал Брюсов, скрываясь под псевдонимом Аврелий. — Они нарисованы с такой силой, с такой яркостью, что как бы ослепляют и совершенно заслоняют истинный образ писателя. Я думаю, что Валерий Брюсов, прочтя статью о себе в книге г. Чуковского, несколько дней не мог отделаться от навязчивой мысли: а что, если я в самом деле — поэт прилагательных? А Рославлева долго будет нам трудно представить себе в ином образе, как рыжего, бегущего за Валерием Брюсовым, восклицая «и я! и я!», Сергеев-Ценский так навсегда и останется «мозаистом, вырезающим все новые стеклышки, которых и склеивать-то не хочет», а г. Ардов — «поэтом волостных писарей». Точно так же трудно забыть отдельные меткие выражения г. Чуковского, которые он с расточительностью богача рассыпает по своим этюдам. Теперь при имени г. Анатолия Каменского всегда будет вспоминаться восклицание, которым г. Чуковский начинает его характеристику: «Остерегайтесь подделок!» К Семену Юшкевичу теперь как бы приклеено замечание Чуковского: «Сочувствовать униженным и оскорбленным под прикрытием чужого стиля — не одно ли это и то же, что благотворить из чужого кошелька». Наконец, что лучше характеризует лжеанархизм наших современных посрамителей буржуазии, как не слова Чуковского по поводу М. Арцыбашева: «Ах, Боже мой, если ты бунтовщик — бунтуй. Хочешь славить плоть — славь. Но если тебе для бунта нужна таблица умножения, а для прославления плоти — канцелярия, так уж лучше оставь это занятие и окончательно займись выпиливанием по дереву»¹.

Успеху портретных характеристик Чуковского в немалой степени способствовал альтернативный характер его мышления, в одинаковой степени родственный писаревскому неприятию общих мест и общепризнанных авторитетов и приверженности к парадоксам Оскара Уайльда. Чуковский любил и умел пойти наперекор расхожим мнениям и довольно часто доказывал, что в одиночку способен пошатнуть ложные убеждения, созданные коллективными усилиями. Выбирая для своего «укрупнения» черту писателя, он всегда отдавал предпочтение такой, которая до этого ускользала от внимания критики, то есть не входила в расхожее представление о нем. Если, к примеру, авторскую позицию Горь-

¹ *Аврелий* [Валерий Брюсов]. Рец. на кн.: *Чуковский К. От Чехова до наших дней* // Веса, 1908. № 11. С. 59.

кого все видели в словах Сокола («безумству храбрых...» и т. п.), то Чуковский в статье о нем доказывал его кровное родство с Ужом; если в представлении современников Леонид Андреев был завзятый интеллеktуал, то Чуковский сделает его единомышленником Тюхи. Благодаря этому суждения Чуковского застревают в памяти даже тех, кто враждебно относился к его критической деятельности.

Большую яркость его характеристикам придавала афористичность мышления, умение уложить свою мысль в сжатую формулу, обладавшую той самой краткостью, которая сестра таланта. Известную фразу Власа Дорошевича («голубушка, длинного не читают») Чуковский не случайно процитирует в статье о нем. По существу, из нее вырастет затем статья «О короткомыслии». Она была взята на вооружение Чуковским-критиком, он сделал из нее все подходящие выводы. Ему часто удавалось свести свою точку зрения до одной емкой формулы, способной прилипнуть, как ярлык, или пристать, как прозвище («вдохновенный Тюха» — об Андрееве, Пфуль — о Горьком). Редкие сохранившиеся черновики статей Чуковского показывают, как мучительно и долго искал он порой это ключевое слово, какого труда стоило ему то, что затем небрежно, как бы невзначай, ронял он в очередном фельетоне. Афористичность в литературе начала XX века была в большом ходу под влиянием Ницше, и Чуковский был одним из тех, кто ее успешно культивировал и развивал. Но в отличие от Власа Дорошевича и Максима Горького, любивших изрекать и говорить сентенциями, он никогда афоризмами не злоупотреблял и использовал их с большой осторожностью. Чуковский вкраплял их в свои статьи крайне экономно, заставляя их подытоживать, увенчивать свои рассуждения. Или, напротив, выносил их в заглавие, где они останавливали на себе внимание читателей, как это было в заметке о выставке художественной группы «Сецессион» в Берлине, озаглавленной «Шаблонная новизна»¹.

Иногда с афоризма начиналась статья, как это было в отзыве на книгу близкого к марксистам критика Евг. Соловьева (Андреевича) «Опыт философии русской литературы»: «Книга эта на всю литературу нашу смотрит, как на борьбу партикулярной фуражки с кокардой»². Наконец успеху статей Чуковского способствовало и то, что все они написаны легким, почти разговорным языком, в

¹ Чуковский К. Шаблонная новизна (Письмо из Берлина) // Одесские новости. 1903. 13 июня.

² Чуковский К. О г. Евг. Соловьеве // Одесские новости. 1905. 14 марта. См. также с. 340.

слегка небрежной манере задушевной беседы единомышленников.

Но все-таки полной характеристика мастерства Чуковского критика не станет до тех пор, пока мы не поймем главное, что стояло за всем этим разнообразным арсеналом приемов и средств. Главным был совершенно особый угол зрения, под которым рассматривал Чуковский творчество писателей. Именно здесь начиналась его подлинная самобытность. В отличие от своих собратьев по критическому цеху он не был ни толкователем чужих произведений, ни посредником между кругом идей автора и читающей публикой, не был он и историком текущей литературы, летописцем ее примечательных явлений. Чуковский был критик-разоблачитель, исходивший из убеждения, что писатель пользуется словом не столько для того, чтобы выразить свои истинные мысли, сколько для того, чтобы скрыть их.

Это не был фрейдизм, до которого он дошел своим умом, поскольку не подавленные инстинкты и эдиповы комплексы искал он за зримой поверхностью творчества. Чуковский разделял в художнике рациональные стремления и установки, часто навязанные извне, и бессознательное творчество, при этом второе казалось ему гораздо интереснее и значительнее первого. Здесь уместно еще раз отослать к примерам из статей Чуковского, приведенным в рецензии Валерия Брюсова. Если герои Михаила Арцыбашева многим критикам казались воплощением декадентского анархизма и бунтарства, повторявшим вслед за Мережковским «мы для новой красоты / нарушали все законы / преступали все черты...», то Чуковский показывал канцелярскую расчетливость, которая стояла за их мнимыми дерзновениями.

Все, что проповедовал писатель на словах, было для Чуковского только парадным мундиром, который надевают, чтобы заклонить нечто более существенное в себе, обмануть себя и читателя. Критику была свойственна недоверчивость ко всему тому, что лежит на поверхности литературного произведения, и все свое мастерство он употреблял на то, чтобы проникнуть за эту поверхность. Показательны сами метафоры, с помощью которых он объяснял свой подход к писателям. «Каждый писатель для меня, — писал он в предисловии к книге «От Чехова до наших дней», — вроде как бы сумасшедший. Особый пункт помешательства есть у каждого писателя, и задача критики в том, чтобы отыскать этот пункт. Нужно выследить в каждом то заветное и главное, что составляет самую сердцевину его души, и выставить эту сердцевину напоказ. Сразу ее не увидишь. Художник, как всякий помешанный, обычно скрывает свою манию от других. Он ведет себя как нормальный и о вещах судит здраво. Но это притворст-

во»¹. Отсюда вывод: «хорошим Пинкертоном должен сделаться всякий критик!»² Имя сыщика Ната Пинкертона возникло здесь не случайно — серии романов, эксплуатирующие имя английского сыщика, в большом количестве поставлялись тогда на книжный рынок безымянными тружениками литературы, им посвящена одна из наиболее ярких статей Чуковского.

По отношению к писателям критик часто применял приемы, достойные этого собирательного образа и выступал в роли проницательного сыщика, способного угледеть именно то, что из всех сил хотят от него скрыть. Мысль о том, что между проповедями писателя и смыслом его художественного творчества существует дистанция, надо признать одной из центральных для Чуковского, она не оставляла его и позднее. Отвечая в начале 1921 года на замечания М. Горького по поводу статьи «Ахматова и Маяковский» Чуковский писал: «Я затеял характеризовать писателя не его мнениями и убеждениями, которые ведь могут меняться, а его *органическим стилем, теми инстинктивными, бессознательными навыками творчества*, коих часто не замечает он сам. Я изучаю *излюбленные приемы писателя, пристрастие его к тем или иным эпитетам, тропам, фигурам, ритмам, словам*, и на основании этого чисто-формального, технического, научного разбора делаю психологические выводы, воссоздаю духовную личность писателя. Что думает Маяковский о революции, для меня дело побочное, а то, что он строит свой стих на метафорах и гиперболах, что у него пристрастие к моторным, динамическим образам, что ритмы у него разговорные, уличные <...> для меня, как для критика, главное дело... Наши милые «русские мальчики», вроде Шкловского, стоят за формальный метод, требуют, чтобы к литературному творчеству применяли меру, число и вес, но они на этом останавливаются; я же думаю, что нужно идти дальше, нужно на основании формальных подходов к матерьялу конструировать то, что прежде называлось *душою* поэта. Мало подметить, что эпитеты Ахматовой стремятся к умалению и обеднению вещей, нужно также сказать, как в этих эпитетах отражается *душа* поэта»³.

Итак, во всеоружии разнообразных критических приемов, Чуковский смело обрушивался на любимцев публики. Так было с писательницей Лидией Чарской, книгами которой тогда зачиты-

¹ Наст. издание. С. 29.

² Там же.

³ Переписка М. Горького с К. И. Чуковским / Предисл. и подготовка текста Е. Ц. Чуковской и Н.Н. Примочкиной // Неизвестный Горький. Материалы и исследования. Вып. 3. М., 1994. С. 111.

вались гимназистки и курсистки. Вот об этой популярной тогда писательнице, находившейся в зените славы, Чуковский писал: «Перелистываю книги этой Чарской и тоже упоен до безбазисия. В них такая грозная атмосфера, что всякий очутившийся там сейчас же падает в обморок. Это мне нравится больше всего. У Чарской даже четырехлетние дети никак не могут без обморока. Словно смерч, она налетает на них и бросает их на землю без чувств. <...> Три обморока на каждую книгу — такова обычная норма. К этому так привыкаешь, что как-то даже обидно, когда в повести «Люда Влассовская» героиня теряет сознание всего лишь однажды» (наст. Издание. Т. 7). Именно такими ненавязчивыми методами Чуковский демонстрировал однообразие приемов Чарской, доказывал, что она «фабрикует по готовым моделям ужасы, истерики, катастрофы и обмороки». Его статьи всегда были наглядны и доказательны, мысли не подкреплялись примерами и цитатами, а вырастали из детальной проработки произведения, надолго опередившей школу американской «новой критики» с ее «пристальным чтением».

Исключительная оригинальность подхода к литературе помогли критике Чуковского завоевать прочную популярность прежде всего у читателя и сделали его заметной литературной силой. Но все то, что способствовало популярности критических статей Чуковского, имело оборотную сторону: в высокоинтеллектуальных кругах русского модернизма (Брюсов был здесь исключением) его статьи воспринимались как нечто не вполне солидное (цитаты вместо пространного изложения содержания и длинных рассуждений, парадоксы вместо развернутых доказательств, карикатуры вместо скучных описаний). Все достоинства Чуковского оборачивались недостатками, как только дело касалось солидной репутации, именно избранное критическое амплуа ставило имя Чуковского в один ряд с нововременским гаером Виктором Бурениным, хотя идейно и эстетически они не имели ничего общего.

Но совсем роковую роль играл избранный им жанр в личных отношениях с писателями: он требовал полной независимости от этих отношений, что было недостижимо для профессионального литератора, вращающегося с писателями в одном и том же кругу. Именно критическая принципиальность Чуковского, из последних сил отстаивавшего независимость собственных оценок от личных отношений, была главным источником легенд о его двурушничестве: истину царям в литературе говорить не намного легче, чем царям на престоле или на троне. В истории отношений Чуковского с «братьями во литературе» неизменно получалось так, что все они восхищались его критической деятельно-

стью до тех пор, пока она не касалась их собственного творчества. До этой поры все восторгались и меткостью оценок, и яркостью примеров, и узнаваемостью и точностью характеристик, и остроумием отдельных суждений. Но стоило Чуковскому взяться за перо и набросать портрет своего вчерашнего поклонника, как от былых восторгов не оставалось и следа.

Подобное испытание не выдерживали никакие дружеские отношения, чувство юмора изменяло даже таким признанным сатириконовским острословам, как Аркадий Аверченко: его письма были переполнены похвалами критическим статьям Чуковского и прервались сразу после появления фельетона «Современные Ювеналы»¹.

Чуковский со своей стороны пытался всячески разделить личные и литературные отношения с писателями, но на этом пути он не встретил понимания ни у кого. Чуковский пытался сохранить за собой право оценивать с одинаковой свободой и творчество Леонида Андреева, с которым соседствовал в Куоккале и дружил, и Горького, с которым почти до самой революции не был даже знаком. Что получалось на практике, позволяет проследить переписка с Леонидом Андреевым. Писатель горячо приветствовал первую статью Чуковского о нем «Дарвинизм и Леонид Андреев» и даже написал молодому критику письмо, где были такие слова: «Ваша статья, на мой взгляд, грешит только одним: Вы слишком преувеличиваете мои достоинства. Говорю это серьезно и искренне. Но основная ее точка зрения, насколько об этом могу судить я, — безусловно верна — во всяком случае, самая верная из всего, что обо мне писалось»². Чуковский рассказал в воспоминаниях, какое ликование вызвало у него это письмо. Но стоило ему опубликовать статью, мнения которой не совпадали с самооценками Андреева, как он получил от писателя совсем иной отклик: «Ваш сегодняшний фельетон «Устрицы и океан» очень опечалил меня. Конечно, не за себя я опечалился — сказанное Вами об «Океане» и обо мне совершенно не касается ни меня, ни «Океана», а говорит о ком-то и о чем-то другом; опечалился я за Вас, так как в течение долгого времени упорно сопротивлялся всем жестоким нападкам на Вас, верил в Ваш ум, честность, талант и писательскую судьбу» и т. д.³ Так вот из прощательного критика, автора «самой верной» статьи, Чуков-

¹ Чуковский К. Современные Ювеналы // Речь. 1909. 16 (29) августа. Письма А. Аверченко к Чуковскому см.: ОР РГБ. Ф. 620. Карт. 60. Ед. хр. 20. Л. 30 об.

² Письмо цитируется Чуковским в его воспоминаниях о Леониде Андрееве: Чуковский К. Собр. соч. Т. 5. С. 120.

³ Письмо от 20 марта 1911. Там же. С. 124.

ский превратился в «Иуду из Териок»¹. Обиды могли возникать не только у писателей, о которых писал Чуковский, но и у их читателей, просто литераторов, когда речь шла о чем-то заветном. Например, прежде расположенная к Чуковскому Зинаида Венгерова после появления статьи о Семене Юшкевиче писала ее автору: «О Вашей статье в прошлый понедельник неприятно говорить — как о каком-то неприличном поступке человека, с которым привык считаться, как с корректным знакомым»². Избранный Чуковским жанр и его позиция были не только пьедесталом для известности, но и крестом, и он мужественно нес его всю жизнь.

Приняв во внимание все особенности позиции Чуковского-критика, нетрудно понять, почему у него сложилась стойкая репутация нигилиста, позволявшая собратьям по творческому цеху его воспитывать, читать ему нотации, третировать его суждения с высот «серьезной литературы» и проч. Особенно серьезно за искоренение нигилизма Чуковского взялась одно время Зинаида Гиппиус; ее письма вместе с письмами Мережковского содержали целую программу по перевоспитанию критика. 25 января 1908 года, вскоре после выхода книги Чуковского «От Чехова до наших дней», выдержавшей за один год три издания, Зинаида Гиппиус писала автору: «Мне жаль, что среда вас балует, жаль, что ваша книга (дешевая книжка!) так расходуется, жаль, что вы устроились и катитесь на этих салазках газетного успеха, — жаль именно потому, что вы очень талантливы и, при этом, кажется умны. Посмотрите, какой «тон» вас засасывает, какой он скверный, гаерский, иногда прямо хулиганский. Пусть бы он был, но нельзя, чтоб только он и был, не может весь писатель-человек из него состоять. А есть ли у вас рядом другое? <...> Больше скажу: ведь этот ваш тон и «легкость пера» вам самому нравятся! Вот тут-то главная, да, может быть, и единая опасность! Нравятся, нравятся, чую и вижу это сквозь ваши улыбчивые жалобы и скромные отмахиванья. Если вы этого в себе не видите, — ну что ж, значит я вижу больше вас. Но это есть. Ваша скромность — чуть-чуть “скромность великого человека”»³.

¹ Териоки — название финляндского курорта, находившегося недалеко от Куоккалы, где постоянно жил Чуковский. В 1907 году Чуковский вместе с Блоком принимал участие в «Вечерах нового искусства», которые в Териоках устраивал Вс. Мейерхольд. В своих воспоминаниях о Леониде Андрееве Чуковский привел эту шутку Андреева, умолчав, что относилась она к нему (см. наст. издание. Т. 5. С. 115).

² ОР РГБ. Карт. 61. Ед. хр. 20.

³ Там же. Карт. 62. Ед. хр. 99.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Евг. Иванова. Неизвестный Чуковский</i>	<i>5</i>
--	----------

ОТ ЧЕХОВА ДО НАШИХ ДНЕЙ. Литературные портреты, характеристики	29
Предисловие к третьему изданию	29
А. П. Чехов	31
К. Бальмонт	41
Александр Блок	49
Осип Дымов	53
Сергеев-Ценский	61
А. И. Куприн	68
Максим Горький	84
Анатолий Каменский	93
М. Арцыбашев	96
Третий сорт	105
Семен Юшкевич	115
Федор Сологуб	124
Борис Зайцев	131
Д. С. Мережковский	140
Валерий Брюсов	151
Леонид Андреев	163
Приложение: Бальмонт и Шелли	171

ЛЕОНИД АНДРЕЕВ БОЛЬШОЙ И МАЛЕНЬКИЙ

Жизнь Леонида Андреева	181
Критический очерк	186
Леонид Андреев и его читатель	210

Несобранные статьи (1901—1907)

К вечно-юному вопросу	221
Письма о современности: Письмо первое	228
Дарвинизм и Леонид Андреев: Второе «письмо о современности»	238
М. Горький и охранители	253
Л. Е. Оболенский	256
М. О. Меньшиков	261
О «Мещанах» М. Горького	266
К толкам об индивидуализме	275
Наши гости	288
Об одном принципе художественного творчества	291
Паки о «Дне»	304
Случайные заметки	314
Красный смех	319

Воспоминания о Чехове	322
О г. Минском	326
Из «заметок читателя»	331
I Анекдоты	331
II Об одной книжке	333
О читателе	337
О г. Евг. Соловьеве	340
Рассказ Филиппа Васильевича	345
Новый рассказ Леонида Андреева	348
«Поединок» А. Куприна	350
Толстой и интеллигенция	357
Памяти Евгения Соловьева	364
О Владе Дорошевиче	369
Циферблат г. Бельтова	376
Об эстетическом нигилизме	382
Хамство во Христе	385
Революция и литература	389
Почему?	389
Прохожий и революция	392
Анкета	397
О Валерии Брюсове	402
К анкете	407
Воззвание о литературном обществе	412
О литературном клубе	415
О дяде Ерошке	417
О Сергее Городецком	423
Русская Whitmaniana	428
О пользе брома	430
Новая повесть Л. Андреева	438
О Сергее-Ценском	442
Золотушная любовь	447
Мещанин против мещанства	451
О современной русской поэзии	456
На бирже «Знания»	479
Спасите!	485
Невский проспект	490
Об Иуде Искарите и г. Скитальце	493
Новые течения в русской литературе	500
Чехов и пролетарствующее мещанство	529
О короткомыслии	534
Чудо	539
Об Александре Блоке	545
Русская литература [в 1907 году]	551
Комментарии	557
Указатель имен	613